

Но холодные слова Сюй Хуасю, к её удивлению, привели к тому, что она внезапно прозрела. На самом деле она всё это время делала достаточно хорошо, единственное, чего не учла, так это, наверное, ненасытности человеческих сердец.

Матушка Цзян плакала так сильно, что кровать начала медленно раскачиваться. Цзян Мэнлинь, всегда чутко спавший, не мог не проснуться. Открыв глаза, он сразу увидел поток слёз матери и испугался.

Как бы он ни злился, на матушку Цзян он зла не держал, поэтому тут же бросился к ней и громко спросил:

— Что случилось? Где-то ещё болит?

Он нажал кнопку звонка у изголовья, с беспокойством взглянул на покрасневшие от слёз глаза матери и слегка вздохнул.

Эта мама, почему же она никогда не помнит уроков?

— Сынок... — матушка Цзян всхлипнула и протянула руку, словно бы обнимая его за талию, тихо рыдая. — Это моя вина, я просто ослепла, приняла волка за верного пса. Те люди... Я больше не буду вмешиваться в их дела!

Родители, которых она так почитала и боялась, объединились с родственниками, чтобы plotted против неё. Для матушки Цзян, которая так ценила семью, что могло быть heartbreaking?

Цзян Мэнлинь не ожидал услышать такие слова без всякого вступления и сразу испугался. Он отстранил мать, чтобы посмотреть на её лицо, подумав, что она ещё не оправилась и бредит.

Матушка Цзян загрустила ещё сильнее, уткнувшись в руку сына, шмыгая носом и выглядя жалко.

Цзян Мэнлинь нахмурился. Слова матери он не мог просто так поверить. Но если он скажет об этом прямо сейчас, учитывая упрямый характер матери, неизвестно что она натворит. Поэтому он ничего не сказал, усадил мать на кровать и, полный недоумения, вышел искать сиделку.

В этом нельзя было винить его за недоверие: матушка Цзян слишком много раз его разочаровывала, так что теперь он даже боялся надеяться. Он не знал, какие именно противоречия возникли между Сюй Хуасю и матушкой Цзян до этого, но даже если бы знал, его реакция вряд ли изменилась бы.

К счастью, болезнь матери не была тяжёлой. В основном из-за возраста и недостатка движения, когда давление резко подскочило, она не выдержала и упала в обморок. Побыв в больнице день, хорошо поев и отдохнув, на следующий день она уже вернулась домой.

Дом пустовал два дня и был покрыт пылью. Цзян Мэнлинь засучил рукава и прибрался. Когда матушка Цзян уснула, он вышел в гостиную и позвонил Сун Цинсюю.

Сун Цинсюй на том конце провода явно очень беспокоился. Цзян Мэнлинь успокоил его и ещё раз напомнил, чтобы он не заводил романов с женщинами в военном лагере. Сун Цинсюй начал мямлить, не в состоянии связать ни слова. Цзян Мэнлинь, полный тревоги, прервал разговор, думая про себя: почему же Сун Цинсюй стал таким ненадёжным?

Ведёт себя так при виде женщин, как же он тогда будет преданно служить мне? Неужели его

собиют с толку одной лишь «красивой ловушкой»?

Нет-нет, нужно подсадить к нему женщину, которой я доверяю...

Цзян Мэнлинь думал об этом и чувствовал всё большее раздражение, нахмурился, хлопнул по столику рядом и закатил глаза.

Хватит! Почему о нём так много забот?

Первый залп прозрения матери прозвучал официально. Во-первых, она начала неустанно заботиться о быте Цзян Мэнлиня.

Вернувшись с дела домой, он увидел, как мать вешает новые вещи в его шкаф одну за другой, и на мгновение он словно оцепенел от ужаса.

Что случилось?!

— Сынок! Ты вернулся, — матушка Цзян с гордостью показала ему купленные красно-зелёные брюки-клёш, улыбаясь до ушей. — Глянь, я сегодня специально для тебя купила. Твоя одежда слишком старомодная, современные молодые носят именно это!

Цзян Мэнлинь долго молчал, прежде чем пришёл в себя:

— Мам, а это ты что делаешь?

Матушка Цзян замерла, затем неловко ухмыльнулась, потирая руки:

— Я вспомнила, что давно не покупала тебе одежду. Зимой ты всегда одеваешься слишком легко, это нельзя, поэтому я вышла и купила тебе два комплекта...

Цзян Мэнлинь с трудом выдавил улыбку, чувствуя себя не в своей тарелке от внезапной близости матери. Бросив взгляд на одежду, сваленную на кровать, он отступил на шаг, открыл рот и сказал:

— Я вдруг вспомнил, что у меня ещё есть дела на улице.

Сказав это, он развернулся и ушёл.

Матушка Цзян стояла на месте, держа вешалку с одеждой, поджав губы, в глазах её плескалось глубокое чувство вины.

Сидя на бордюре у клумбы в жилом комплексе, Цзян Мэнлинь закрыл лицо ладонями и долго размышлял с закрытыми глазами.

Он снова начал пускаться в произвольные мысли.

С холодного отношения матери в прошлой жизни, до того редкого ощущения материнской любви в день его возвращения в этой жизни... И затем, спустя долгое время после отъезда из дома, он редко получал звонки от матери, а теперь она, купив одежду, словно пытается им угодить.

Он не чувствовал, что мать хочет сблизиться с ним, но... это чувство пришло слишком внезапно, и ему всегда было очень не по себе.

Это было похоже на то, как если бы вещь, на которую он никогда не смел надеяться, внезапно оказалась у него в руках. Помимо радости, в сердце поднимались лишь растерянность и тревога.

Проведя рукой по лицу, Цзян Мэнлинь вздохнул, достал телефон, долго смотрел на него, но всё же набрал номер военной части Сун Цинсюя.

Диспетчер сработал быстро, и после короткой тишины в трубке раздался низкий и спокойный голос Сун Цинсюя:

— Сяо Линь?

— Цинсюй... — Цзян Мэнлинь закрыл глаза и растерянно начал говорить. — Моя мама только что вела себя очень странно. Она раньше говорила, что извиняется передо мной, что хочет быть доброй ко мне... А сегодня ещё и купила мне одежду... Как ты думаешь, не может ли у неё быть какой-то заговор?

Услышав это, Сун Цинсюй тоже замолчал.

О делах семьи Цзян Мэнлиня он знал до мелочей. Хотя в сердце он почитал сыновнюю почтительность превыше всего, иногда, видя те неприятности, которые устраивала матушка Цзян, ему тоже было не по себе за Цзян Мэнлиня.

Но... Сяо Линь сейчас открывает ему душу?

Голос Сун Цинсюя стал мягче, и он тихо успокоил:

— Не торопись, расскажи мне всё подробно.

Возможно, сам Цзян Мэнлинь этого не осознавал, но место, которое занимал Сун Цинсюй в его сердце, безусловно, было самым надёжным. С самого начала Сун Цинсюй связал свою судьбу с ним, можно сказать, что в этой жизни он абсолютно не сможет предать его. И, естественно, в обмен на эту верность он получил эквивалентное доверие.

Выслушав причину и следствие, Сун Цинсюй снова замолчал.

Прошло довольно много времени, он, казалось, вздохнул, голос стал ещё ниже и глуше:

— Зачем ты сейчас сам себе ищешь неприятности? Раз она к тебе хорошо, то с чистым сердцем принимай. О чём ты переживаешь, что она plotted против тебя? Тем более, что она может против тебя замыслить? Она всё же твоя мать, между сыном и матерью есть связь. Раньше она просто была ослеплена дымкой, а теперь очнулась, тебе надо радоваться.

Цзян Мэнлинь покачал головой и тихо ответил:

— Пустое... Ты не поймёшь.

Отпустить, простить — такие вещи не появляются просто так, когда захочешь.

Сун Цинсюй знал, что за короткое время его вряд ли удастся переубедить собеседника. Он знал упрямый нрав Цзян Мэнлиня, поэтому мягко утешал его несколько фразами, и это хоть как-то улучшило настроение Цзян Мэнлиня.

Покачав головой, он положил трубку, взглянул на экран — звонок из дома?

Позвонив обратно, он ждал долго, но никто не отвечал. В сердце Цзян Мэнлиня поднялось плохое предчувствие, и он встал, направляясь домой.

Только что он вышел из лифта, как у входа в коридор услышал яростный шум.

Плохо!

Цзян Мэнлинь тут же широко распахнул глаза, голоса из дома он узнал мгновенно — это была его пара дедушки и бабушки по материнской линии с их странной логикой!

Цзян Мэнлинь тут же ускорил шаги, направляясь домой. Только он подошёл к двери, как раздался звук разбивающейся чашки и донёлся полный энергии ругательства деда Ли:

— Ты, неблагодарная тварь, белый волк, которого никак не выкормить! Мне ещё тогда стоило тебя утопить в выгребной яме! Чтоб ты не позорила меня, выходя в люди!

Лицо Цзян Мэнлиня мгновенно почернело, он большими шагами вошёл в комнату и с грохотом захлопнул дверь.

Все в комнате посмотрели на него.

<http://bllate.org/book/16657/1526776>